

НОВЫЕ КНИГИ

Д. В. Петрова

О слухах и их разоблачениях: как бороться с недостоверной информацией?¹



Рецензия на книгу: Berinsky A. J. 2023. *Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 240 p.



ПЕТРОВА Дарья Вячеславовна — стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: d.petrova@hse.ru

Книга «*Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*» («*Политические слухи: почему мы принимаем недостоверную информацию и как с этим бороться?*») представляет результат многолетних исследований Адама Берински, посвящённых анализу разных сторон одной из форм недостоверной информации — слухов. Рассматриваются особенности распространения и устойчивости слухов в медиaprостранстве, обуславливаемые их вирусностью, повторяемостью и социальной передачей. Отдельное освещение получают факторы, связанные с верой в мисинформацию, среди которых выделяется склонность к конспирологическому мышлению и догматизму, а также политическая невовлечённость. Сочетая психологический и политологический подходы, автор книги делает акцент на особенностях восприятия слухов и их опровержения. Несмотря на то что эффект оказывается краткосрочным, продуктивной стратегией является коррекция слухов, резонирующая с политической ориентацией индивида. В рамках описания серии экспериментов в книге доказывається склонность людей подтверждать свои убеждения, в связи с чем бóльшим доверием обладают источники, чья партийная идентичность соответствует представлениям человека. В то же время в случае опровержений, напротив, люди более восприимчивы к информации, транслируемой источниками, которым выгодно существование слуха. Книга предлагает по-новому взглянуть на возможности разоблачения слухов, смещая фокус с нейтральных источников опровержения на имеющие явную политическую окраску и задействуя психологические и эвристические механизмы восприятия информации.

Ключевые слова: политические слухи; мисинформация; конспирологическое мышление; политическая поляризация; селективное восприятие; разоблачение слухов.

¹ В работе использованы результаты проекта «Повседневные поведенческие практики россиян в условиях внешних шоков», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Введение

Политические слухи, как и другие формы мисинформации (*misinformation*), явление не новое. Однако с активным распространением Интернета изменяются способы взаимодействия с такой информацией, а также пути её распространения. Так, расширяется количество доступных источников, увеличивается объём получаемых данных, который всё менее ограничен пропускной способностью медиа [Hilgartner, Bosk 1988]. Люди приобретают возможность самостоятельно выбирать информацию и регулировать её потребление, избегая идеологически чуждых ресурсов и останавливаясь на использовании тех источников, которые в большей степени соответствуют личным политическим убеждениям. Более того, недостоверная информация имеет свойство становиться вирусной, распространяясь быстрее и «дальше» за счёт социальной передачи, а также обладая более значительными эффектами для аудитории, нежели правдивая и фактически точная информация [Vosoughi, Roy, Aral 2018].

Продолжительность существования этого феномена отчасти нормализует его в качестве элемента политической жизни. В то же время, как утверждают некоторые авторы, мисинформация может иметь ряд негативных последствий для самой политической системы: уменьшать доверие к правительству и государству, снижать уровень политического участия [Strömbäck et al. 2022]. Соответственно, политические слухи могут быть злокачественной формой недостоверной информации, что делает актуальным и важным их рассмотрение в контексте поиска действенных решений для устранения отрицательных эффектов. Один из основных вопросов, которым мы зададимся вслед за А. Берински: как и благодаря чему политические слухи (*political rumors*) и заблуждения (*misperceptions*) продолжают своё существование в общественном сознании, даже несмотря на многочисленные опровержения как со стороны экспертов и политических акторов, так и в медиaprостранстве? Обсуждаемая монография, вписываясь в общую академическую дискуссию, представляет собой попытку поиска нового практического решения для борьбы с мисинформацией.

В целом поле исследований недостоверной информации достаточно активно и быстро развивается, особенно в последнее десятилетие. Сотни публикаций посвящены мис- и дезинформации (*disinformation*) и, в частности, рассматривают эти явления через призму причин распространения подобных сообщений и факторов доверия им, последствий восприятия на индивидуальном уровне и в публичной сфере, попыток решения проблем, связанных с устойчивостью заблуждений. При этом наблюдается сфокусированность на американском контексте — наибольший объём исследований адресован именно США [Broda, Strömbäck 2024]. Что нового предлагается в монографии А. Берински и чем его подход отличается от других работ? Автор обращается к микроуровню и политической психологии, делая акцент на индивидуальных диспозициях и паттернах восприятия информации. Выдвигается предположение о том, что политические убеждения, включающие как общую систему взглядов и ценности, так и партийную идентификацию (*partisanship*), выступают медиатором реакций на слухи и их опровержения. Не отсылая напрямую к конкретной теоретической традиции, автор тем не менее развивает психологический подход, обращается к широкому перечню работ, служащие опорой для используемых в эмпирической части шкал и тестируемых гипотез, среди которых следующие: [Allport, Postman 1947; McClosky, Chong 1985; Uscinski, Parent 2014; Rosenblum, Muirhead 2019].

На основе двух ключевых дилемм — поиск причин устойчивости слухов и способов продуктивного опровержения недостоверной информации — строится и сама структура книги. Она может условно быть разделена на три блока, где каждый объединён общей темой. Первые две главы монографии — «Rumors in the Political World» («Слухи в политическом мире») и «The Roots of Rumor Beliefs» («Основания веры в слухи») — посвящены тем факторам, которые вносят вклад в широкое распространение политических слухов и устойчивость веры в них. Далее предпринимается попытка экспериментально протестировать ряд гипотез, связанных с особенностями восприятия самих слухов и их опровержений

через призму политических убеждений приверженцев разных партий — это главы «Can We Correct Rumors?» («Можем ли мы исправить слухи?») и «Rumors and Misinformation in the Time of Trump» («Слухи и мисинформация во времена Трампа»). В последней главе — «The Role of Political Elites» («Роль политических элит») — автор обращается к стороне «предложения» и тому, как и кем распространяется недостоверная информация, в каких формах существует корректировка слухов, насколько исправления распространены и эффективны. Не останавливаясь подробно на специфических паттернах распространения недостоверной информации и её восприятия республиканцами и демократами, а также на различиях между приверженцами этих партий, попробуем в данной рецензии рассмотреть ряд более общих, но ключевых для рецензируемой работы сюжетов, выделяющих её на фоне большого корпуса литературы, посвящённой недостоверной информации.

Стоит отметить многообразие эмпирического материала, объединяющего в рамках одной монографии результаты целого ряда проведённых исследований. Автор книги опирается на количественные данные 11 опросов, репрезентирующих население США и датируемые 2010–2019 гг. [Berinsky 2023: 46]. Часть данных получены из опросов, проведённых самим автором через YouGov², часть — из опросов Cooperative Congressional Election Study (CCES)³ и American National Election Study (ANES)⁴, приуроченных к периодам выборов. Массивы такой информации в первую очередь позволяют оценить уровни веры в разные наборы слухов, а также протестировать гипотезы, касающиеся факторов, опосредующих веру в недостоверную информацию. Кроме того, Берински дополняет анализ результатами собственных экспериментов, тестирующих психологические механизмы восприятия информации и эффективность различных стратегий опровержений слухов. Эксперименты проводились в несколько раундов и затрагивали актуальные для конкретного периода времени темы: оружие массового поражения в Ираке (исследование 2010 г. [Berinsky 2023: 85], реформа здравоохранения Барака Обамы (две волны экспериментов весной и осенью 2010 г.) [Berinsky 2023: 90], выборы и политическую деятельность Дональда Трампа (серия из четырёх экспериментов в 2015–2017 гг.) [Berinsky 2023: 110].

Политические слухи, фейковые новости и конспирологические теории: о чём всё-таки речь?

Прежде чем перейти к обсуждению эмпирических результатов исследования и вопросам, попытку ответа на которые выдвигает в качестве своей цели автор, остановимся на теоретической и терминологической составляющей монографии, в частности, на определении, используемом для описания политических слухов. Концептуализация понятий является одним из спорных мест работы в целом. Относя политические слухи к разновидности мисинформации, предполагающей относительно стихийное и нецеленаправленное распространение, Берински не разграничивает их явно с другими типами недостоверной информации. Например, по ряду параметров слухи оказываются неотделимыми от фейковых новостей, которые, как правило, рассматриваются в качестве примеров дезинформации, намеренно распространяемых ложных сведений [Humphreht, Esser, Aelst 2020].

Слухи понимаются как утверждения о происходящих событиях без достаточных оснований для того, чтобы считать их правдой [Berinsky 2023: 22]. При этом слухи, по мнению автора, являются не просто некоторыми неподтверждёнными догадками, но и могут противоречить имеющимся у общественности и принимаемым ею доказательствам. Цельное определение политических слухов в книге не приводится, фиксируются лишь основные характеристики понятия как такового, политическое измерение до-

² Американский сервис, предлагающий пользователям прохождение опросов с получением денежного вознаграждения.

³ Общенациональный онлайн-опрос, который проводится до и после президентских и промежуточных выборов в США.

⁴ Общенациональный опрос, проводящийся в формате личного интервью до и после президентских выборов в США. Включает широкий перечень вопросов, касающихся электорального поведения граждан, политического участия, а также общественного мнения по политическим темам.

полнительно не проблематизируется и не получает конкретизации. Тем не менее Берински указывает, что фактический объём потребляемой через медиа политической информации не исчерпывается тем, что напрямую связывается с политикой [Berinsky 2023: 39]. Можно было бы ожидать, что определение «политическое» в понятии «слухи» также получит осмысление, поскольку, говоря о доверии к недостоверной информации, автор выделяет содержание контента как одну из ключевых составляющих наравне с индивидуальной склонностью к конспирологическому мышлению.

Стоит отметить, что в литературе, посвящённой проблематике мис- и дезинформации, также не существует консенсуса и ясности в разграничении основных понятий. Так, политические слухи могут рассматриваться как одна из разновидностей фейковых новостей или, напротив, получать расширительное понимание, становясь одним из проявлений конспирологического мышления [Uscinski 2018]. Одновременно с этим слухи могут выделяться на фоне других концептов, в том числе не считаясь формой мисинформации [Jerit, Zhao 2020]. У Берински политические слухи оказываются зонтичным понятием, отделяемым от фейков, но при этом включающим в качестве одного из своих подтипов конспирологические теории.

В отдельных частях работы слухи по своим чертам сливаются с другими видами недостоверной информации. Например, слухи, как и теории заговоров, как правило, не имеют конкретных авторов, сами феномены схожи с точки зрения задействуемых нарративов, а своим появлением обязаны не только недостаточности информации, но и существованию различного рода необоснованных убеждений. Операционализируя веру в слухи, Берински активно использует понятие «конспирологическое мышление» и его характеристики; для эмпирической части адаптируется шкала догматизма [McClosky, Chong 1985]. Несмотря на то что автор описывает конспирологические теории как частный случай слухов, чёткая граница между этими понятиями не проводится, а утверждения, включаемые в опросы в качестве слухов, мало чем отличаются от формулировок конспирологических теорий в других исследованиях (например, используемое в работе утверждение: «Верите ли вы, что космический корабль с другой планеты потерпел крушение в Розуэлле, штат Нью-Мексико, в 1947 г.?» [Berinsky 2023: 50], — также могло бы стать частью измерения веры в теории заговора, поскольку описываемое событие породило ряд связанных с ним конспирологических теорий).

По некоторым характеристикам слухи похожи и на фейковые новости. Так, если конспирологические теории принципиально нефальсифицируемы, чем гарантируется их «правдивость», фейки, как правило, описываются как намеренно распространяемая и заведомо ложная информация [Egelhofer, Lecheler 2019], то есть существует реальная возможность верификации таких утверждений. Слухи в работе оказываются одновременно и утверждениями с доступными широкой публике опровержениями, и информацией, содержащей неподтверждённые данные, что не позволяет с полной уверенностью говорить о её ложности. В монографии в качестве одного из свойств слухов выделяется анонимность, однако приводятся примеры, когда слухи активно поддерживаются и транслируются конкретными политическими деятелями, продолжающими повторять информацию, которая может быть уже опровергнутой. Это, в свою очередь, может описываться и в терминах пропаганды, то есть информации, распространяемой с целью манипулирования представлениями и поведением аудитории [Jowett, O'Donnell 2012].

Таким образом, с концептуальной точки зрения работа не позволяет определить специфику слухов как одной из форм недостоверной информации. Политическая пропаганда, например, в целом не обсуждается как самостоятельное понятие, хотя заявления, направленные на обличение политических противников и содержащие неподтверждённые сведения, могут являться её элементом. Слухи становятся общей универсальной рамкой для описания спектра вариаций недостоверной информации, что затрудняет интерпретацию эмпирических результатов исследования, поскольку непонятным остаётся, для

каких именно типов утверждений на самом деле оказываются верными выявленные закономерности. Дополнительную сложность также создаёт тот факт, что проведённые эксперименты предполагают искусственное моделирование ситуаций столкновения со слухами. Исключается контекст получения подобных сообщений, хотя в естественных условиях люди зачастую могут не ставить под сомнение правдивость информации и не распознавать её как слух или фейк [Tandoc, Lim, Ling 2018].

О фундаменте устойчивости политических слухов

Слухи определяются не только через содержание неподтверждённых данных и их быстрое распространение. Их сила не в подкрепляющей системе доказательств, но в повторяемости и связанной с этим иллюзии общественного принятия. Аргументы в пользу устойчивости слухов в рецензируемой книге раскрываются с двух сторон: через понятия «селективное восприятие» (*selective exposure*) и «случайное столкновение» (*incidental exposure*) с информацией. Недостоверная информация не концентрируется в герметичных эхо-камерах и пузырях фильтрации среди создателей и в группе приверженцев (*believers*). Слухи «рикошетят» в аудитории, обеспечивая социальную передачу неподтверждённой информации и её получение в том числе группами, не входящими в круг основных сторонников.

В контексте обсуждения веры в слухи возникает важная для дальнейшего обсуждения группа, в книге называемая «неопределившиеся» (*uncertain*). Она служит индикатором распространённости и силы слуха, а также, согласно гипотезе автора, представляет наиболее восприимчивый к изменению убеждений тип людей. Эта категория индивидов, с одной стороны, не является полностью разделяющей веру в слухи, с другой стороны, не склонна к однозначному их отрицанию. Примечательно, что доля людей, затруднившихся с ответом о правдивости или ложности конкретных слухов, оказывается достаточно большой: 17–47%, по данным нескольких опросов [Berinsky 2023: 49–51]. Сама группа также является неустойчивой во времени: доля тех, кто поддерживает или отвергает слухи, относительно стабильна [Berinsky 2023: 55], вариация же характерна именно для тех, кто не уверен в правдивости или ложности. Следовательно, их тяготение к одному из полюсов на шкале «признание — отвержение» способно усиливать или ослаблять силу конкретных слухов.

Стоит остановиться на том, как выглядит эта группа, действительно ли она является некоторым цельным образованием. Берински отмечает, что состав неопределившихся достаточно гетерогенен. Это и те, кто не вовлечён в политический дискурс, в связи с чем не имеет чёткой позиции касательно правдивости получаемой информации, и скептики, не желающие принимать информацию на веру, но и не отвергающие её. Безусловно, в группу входят и просто те, кто действительно не уверен в (не)достоверности слуха. Кажется, что неопределившиеся на самом деле не составляют единого «вида», а представляют собой принципиально разные подгруппы, демонстрирующие различные паттерны восприятия информации (хотя все они пересекаются и оказываются в одной категории, характеризующейся ответами «Not sure» («Не уверен»), «Don't know» («Не знаю») при оценке в рамках количественных опросов). Автор фиксирует различие, однако в эмпирической проверке гипотез об эффективности различных способов коррекции слухов оно не задействуется. В этом видится значительное ограничение, поскольку такое разделение неопределившихся ставит нас перед вопросом о том, с кем мы имеем дело: с теми, (1) кто не информирован и не осведомлён достаточно, не владеет темой, или с теми, (2) кто уже частично мисинформирован и, по крайней мере, допускает возможность достоверности слухов, либо же (3) со скептиками, которые критически настроены по отношению к политической системе в целом.

Во всех этих ситуациях корректировка слухов фактически будет играть различную роль: в первом случае заполняется пробел в знаниях человека, в остальных новая информация сталкивается с существующей диспозицией. Хотя основания для веры в слухи на самом деле достаточно вариативны, автор сосредоточивается на внутренних и личностных характеристиках человека, которые способствуют вос-

приимчивости к недостоверной информации. Акцент делается на двух компонентах: на специфическом содержании слуха и индивидуальных диспозициях. Соответственно, важны свойства контента в сочетании с мировоззрением человека. Несмотря на то что автор книги апеллирует к большому количеству возможных факторов, способствующих склонности к конспирологическому мышлению, не до конца обоснованным оказывается переход к выбранным индикаторам. Так, в качестве потенциальных причин веры в слухи, конспирологические теории и другие формы недостоверной информации выделяются низкий уровень информированности и отсутствие достаточных знаний о политике, возможная незаинтересованность в данной сфере, чувство отчуждённости, низкий уровень образования, догматичность мышления и нетолерантность к неоднозначности (*intolerance of ambiguity*), склонность приписывать причинно-следственные связи с происходящими событиями невидимым, но преднамеренно действующим силам. Возможные основания веры в слухи рассматриваются через оптику нескольких дисциплин, однако социальные факторы автором отбрасываются в пользу тестирования индивидуальных психологических диспозиций и измерения степени недоверия политикам и политической системе в целом.

Добавление политической идентичности отчасти позволяет делать выводы о паттернах распространения слухов, поскольку лояльность группам, с которыми индивиды чувствуют связь, определяет меньшую склонность к вере в слухи, направленные против собственной партии, и большую — в слухи, касающиеся противоположного политического лагеря. Через эту призму рассматриваются и источники информации; большее доверие демонстрируется по отношению к тем из них, которые кажутся надёжными. Берински выделяет две составляющие надёжности: (1) экспертиза, то есть возможность источника давать точные и корректные данные, а также (2) достоверность (*trustworthiness*) — то, насколько источники действительно готовы предоставлять такую информацию [Berinsky 2023: 13]. Воспринимаемая надёжность становится важной в контексте обсуждения политически ангажированных источников, поскольку они могут рассматриваться как преследующие собственные интересы. В книге часто упоминается роль специфичности содержания слухов, накладывающейся на общую склонность к конспирологическому мышлению, однако сюжету о том, почему люди верят в одни, а не в другие теории заговора, внимание не уделяется. Констатируя определяющее влияние политических убеждений, А. Берински отбрасывает прочие возможные характеристики содержания.

Сила слухов определяется ещё и особенностями их циркуляции в информационной среде. Так, социальная передача и повторение слухов (даже в рамках их опровержения) могут способствовать их дальнейшему воспроизводству и закреплению. Слухи не только работают как подтверждение людьми собственных убеждений, но и позволяют формировать и подкреплять цельную картину мира, поэтому, например, люди часто склонны верить сразу в несколько теорий заговора [Swami et al. 2011]. Совокупность слухов формирует единый когерентный и устойчивый нарратив, способствуя простоте восприятия и давая возможность ориентации в условиях неопределённости, которая является одним из неисключаемых внешних условий при обсуждении причин принятия недостоверной информации и оперирования ею в повседневности. Таким образом, в уравнение, предлагаемое Берински, стоит включить не только содержание и персональные убеждения, но и такие переменные, как сопоставимость с уже имеющейся информацией, надёжность источника, а также представление о том, насколько верят в слухи другие люди, поскольку это лежит в основе их социальной передачи. Ещё одна важная составляющая уравнения — задействуемые в обращении с информацией эвристики, которые только вскользь затрагиваются в работе. Помимо представления об общественном принятии слуха, индивидуальное согласие с недостоверной информацией может обуславливаться иллюзией её знакомости, беглостью восприятия (*fluency*), возникающими из-за вирусности такого контента и высокой частоты его повторения. Эвристики сопутствуют всему процессу восприятия поступающей информации, однако их измерение оказывается достаточно проблематичным и труднофиксируемым. Это, возможно, объясняет лишь косвенное рассмотрение таких когнитивных искажений в рамках работы (эмпирическое тестирование получает только гипотеза о влиянии повторяемости информации).

«Волшебная таблетка» от мисинформации, или Стоит ли бояться слухов?

Наиболее важной частью работы являются попытки экспериментальной проверки эффективности различных форм опровержения слухов. В книге приводятся результаты тестирования ряда гипотез, задействуется богатый эмпирический материал, собранный А. Берински и его коллегами в рамках нескольких проектов за последнее десятилетие. Данные включают результаты ряда опросов и экспериментов, проведённых в 2010–2017 гг. и затрагивающих как политические слухи, актуальные для исследуемого времени (например, слухи о «панелях смерти» в контексте политики здравоохранения Б. Обамы или информацию об электоральном процессе и результатах выборов президента с участием Д. Трампа), так и общее обсуждение слухов, специфичных для американского контекста (например, о теракте 11 сентября 2001 г. или убийстве президента Кеннеди в 1963 г.). Это, с одной стороны, позволяет обеспечивать сопоставимость во времени и проследивать устойчивость обнаруживаемых закономерностей, а с другой — приближает к реальному политическому контексту, в который погружены люди.

А. Берински последовательно доказывает, что источник может быть важнее восприятия и слухов и их опровержения, нежели непосредственное содержание сообщений. Представленные результаты полемичны по отношению к другим исследованиям, посвящённым недостоверной информации: как правило, в них рассматриваются «независимые» источники, то есть не имеющие очевидной партийной идентичности [Verinsky 2023: 75], в то время как в монографии акцент делается, напротив, на ангажированных ресурсах. Один из ключевых выводов предлагает отчасти контринтуитивное утверждение, что трансляция информации не нейтральными источниками может быть эффективнее, если партийными представителями отвергается слух, существование которого является выгодным для этой стороны. Сравнительно небольшой объем данных не позволяет дать статистическую оценку такого эффекта, однако выявленная экспериментально тенденция даёт возможность делать предположения о силе корректировок.

В контексте опровержения слухов также возникает вопрос о соотношении получаемой в качестве корректировки информации с ценностями, установками и мировосприятием индивидов. В литературе, посвящённой мисинформации, выделяется понятие «эхо убеждений» (*belief echo*), предполагающее не просто нежелание принимать опровержение слуха, но веру в недостоверную информацию, несмотря на наличие надёжных доказательств в пользу её ложности [Thorson 2016]. Несмотря на то что устойчивость слухов не концептуализируется через эхо убеждений, Берински использует сходный по значению психологический термин — «обратные эффекты» (*backfire effects*). Новая информация, вступающая в конфронтацию с уже имеющимися убеждениями, способна приводить к состоянию когнитивного диссонанса. Для снятия нагрузки люди часто прибегают к различным эвристикам, облегчающим взаимодействие с потоком ранее неизвестных данных. Одним из таких эвристических способов является опора на собственные убеждения и неприятие информации, им противоречащей. Таким образом, слухи, соотносящиеся с индивидуальными представлениями, меньше поддаются корректировке, поскольку спустя непродолжительный срок люди склонны возвращаться к подтверждению собственной картины мира и не нарушать целостность её восприятия. Рассматривая данное условие в рамках экспериментов, автор книги приходит к выводу, что партийные источники, в отличие от нейтральных, способны отчасти преодолевать устойчивые убеждения людей, становясь более сильными корректорами информации.

Тем не менее такое определение ситуации снова возвращает к необходимости более чёткого определения целевой группы, для которой опровержение слухов может работать. Очевидно, что в фокус внимания будут попадать не приверженцы или противники, а колеблющиеся, хотя эта категория и неоднородна. Однако будет ли корректировка действенной, а эффект — одинаковым для скептиков и для тех, кто намеренно не вовлекается в политику, а также для людей, не обладающих достаточной информацией? Ряд предшествующих исследований демонстрируют, что в основе слухов находится склонность к под-

тверждению (*motivated reasoning*), а попытка изменений будет результативнее, если не столкнётся с сильными первичными предубеждениями, хотя сами обратные эффекты в реальности могут и не быть настолько значимыми для индивидов даже в политических вопросах, поляризующих аудиторию [Wood, Porter 2019]. В таком случае стоит обратиться к потенциалу корректировки через фактчекинг и предоставление достоверной информации, что также отчасти получает эмпирическую проверку в работе.

Одной из составляющих веры в слухи является стремление к сокращению неопределённости, связанной в том числе с отсутствием достаточной информации и удовлетворительности объяснений. Если это так, то можно ли просто обеспечить людей большим количеством данных, преодолевая их неинформированность? Действительно, люди «обновляют» свои убеждения, аккумулируя новую информацию. Большое количество информации, впрочем, не гарантирует её правдивость. Повторяющиеся сообщения выглядят знакомыми и чаще воспринимаются как достоверные вне зависимости от их содержания, создавая иллюзию правды (*illusory truth effect*). Более того, самая распространённая стратегия противостояния слухам — повторяющееся прямое разоблачение слуха — на самом деле часто действует противоположным образом, понижая уровень отвержения недостоверной информации и способствуя её широкому распространению. Сама сила корректировок имеет достаточно ограниченный по времени эффект. Так, Берински на экспериментальных данных показывает, что сразу после опровержения поддержка слуха снижается, однако уже спустя некоторое время уровни отвержения и принятия возвращаются к исходным значениям [Berinsky 2023: 97].

Таким образом, простое предоставление большего объёма фактически точных данных не становится эффективной стратегией опровержения слухов. Особого внимания заслуживают паттерны восприятия информации, которые автор предлагает рассматривать через категорию «политические убеждения» и партийную идентичность. Акцент делается на опровержениях с ярко выраженной партийной аффилиацией источника сообщения (как правило, речь идёт о конкретных персоналиях). В качестве дополнения было бы также продуктивно более подробно остановиться на роли медиаресурсов, транслирующих недостоверную информацию и её опровержение, поскольку политические установки являются важным, хотя и не единственным, условием, опосредующим воспринимаемую надёжность источников. Дифференциация уровней анализа связи политических переменных с восприятием информации, возможно, дала бы шанс делать более точные прогнозы о действенности разных видов опровержений.

Заметки на полях

Представленное в книге А. Берински исследование демонстрирует оригинальную перспективу рассмотрения политических слухов. Автор делает убедительную попытку экспериментальной проверки влияния политических убеждений на восприятие слухов, а также намечает возможности использования этой переменной в качестве ключевого компонента продуктивного опровержения слухов. Эмпирическая составляющая впечатляет, поскольку в монографии задействованы результаты целого ряда исследований, включающих как репрезентативные для США (и в одной из глав — для Австралии) количественные опросы, так и серию экспериментов, позволяющих оценить различные конфигурации условий, определяющих паттерны восприятия недостоверной информации.

Вместе с тем книга А. Берински оставляет множество вопросов. Автор вскользь упоминает ряд сюжетов, которые мы могли бы назвать ограничениями исследования, однако в фокусе внимания остаются тестируемые гипотезы, то есть альтернативные объяснения не получают достаточного освещения. Оптика, представленная в книге, предполагает акцент на индивидуальных и психологических характеристиках, когда измеряются склонность индивида к конспирологическому мышлению (*conspirational disposition*) и его политическая невовлечённость (*political disengagement*). Хотя в качестве одной из основных свойств политических слухов автор выделяет то, что можно назвать социальным зараже-

нием⁵, этот аспект остаётся лишь теоретической посылкой, не получающей эмпирической проверки и не обсуждаемой в контексте результатов. Тем не менее устойчивость веры в слухи представляет собой комплексное явление, не исчерпывающееся личными диспозициями и укоренённое в социальном контексте. Слухи нередко рассматриваются в терминах ограниченной рациональности как форма приспособления к условиям неопределённости: индивиды и группы вырабатывают удовлетворяющие их способы осмысления (*sense-making*) и решения проблем [Greenhill, Oppenheim 2017], что, с одной стороны, усиливает внутригрупповую солидаризацию и предоставляет людям основу для действий; с другой стороны, появление и закрепление слухов в публичном дискурсе может становиться катализатором политической поляризации, а также радикализации отдельных групп.

Пристального внимания заслуживает вопрос распространения слухов в информационной среде. Так, выделяемый автором эффект повторяемости информации, определяющий её «знакомость» и дальнейшее воспроизводство, тесно связан и с тем, кто транслирует сообщения. В книге рассматривается фигура авторов заявлений (группа создателей слухов — *creators*), однако за рамки выносятся сам механизм передачи. В работе используется метафора гальки, брошенной в пруд (*pebble in the pond*), но как расходятся круги по воде и в какой степени эффект от слухов ощутим среди тех, кто находится далеко от условного центра? Достаточно ли случайного воздействия (*incidental exposure*) для закрепления информации или определяющим фактором многократное воспроизведение становится благодаря проникновению в социальное окружение человека, создавая ощущение общественного принятия слуха? Например, говоря о специфике современной медиасреды, стоит отметить её алгоритмичность: рекомендательные системы социальных сетей и интернет-поисковиков способствуют подкреплению убеждений за счёт предоставления контента, основанного на предпочтениях пользователя. В том случае, когда человек далёк от групп распространителей слухов и сообществ, члены которых активно поддерживают эту позицию, и потребляет информацию из мейнстримных источников, вероятность повторяющегося столкновения со слухами может быть достаточно незначительной.

Что касается основных результатов исследования, автор по итогам серии экспериментов выделяет роль политических убеждений и партийной идентификации в качестве значимых факторов, опосредующих восприятие политических слухов. Исследования базируются на рассмотрении американского контекста с двухпартийной системой и политической поляризацией. Дополнительно использовались данные экспериментов в Австралии, которая, впрочем, также схожа с США с точки зрения структуры политического устройства. На примере Австралии видно, что обнаруживаются различия с США в связи между слухами, распространяемыми политическими элитами, и репутациями политиков и их электоральными издержками. Как содержание слухов, так и реакция на их распространение оказываются культурно обусловленными и разнятся даже в странах с похожими политическими системами. Насколько актуальными окажутся выделенные закономерности при переносе на другие страны с выраженной многопартийностью? Или, напротив, при рассмотрении автократий? Кажется, что в таком случае действенность опровержений со стороны партийных оппонентов будет значительно меньшей, поскольку роль партийной идентичности может сокращаться как при наличии множественности альтернатив, так и в условиях их отсутствия.

Примечательно также, что партийная идентичность индивида становится значимым фактором исключительно при рассмотрении слухов с очевидным политическим содержанием и (или) относящихся к известным политическим деятелям. Участникам исследований предлагались как слухи, сформулированные в достаточно общем виде («Считаете ли Вы, что люди в федеральном правительстве либо содействовали терактам 11 сентября, либо не предприняли никаких действий, чтобы остановить теракты, потому что они хотели, чтобы Соединённые Штаты вступили в войну на Ближнем Востоке?»),

⁵ В работе используется термин «социальная передача» (*social transmission*).

так и утверждения, затрагивающие конкретных личностей («Верите ли Вы, что Барак Обама родился в Соединённых Штатах Америки?») [Berinsky 2023: 47]. Дополнительно приводились и нейтральные слухи, не отсылающие напрямую к политической сфере (например, слух о крушении космического корабля в Розуэлле) — в них партийный разрыв (*partisan gap*) оказался практически нулевым, что говорит об ограниченном влиянии политической позиции, значимой лишь в случае, когда слухи обладают явным политическим содержанием и отражают существующий уровень политической поляризации. В теоретических рассуждениях, предшествующих эмпирической части монографии, присутствует упоминание значимости не просто партийной принадлежности, но групповой аффилиации как таковой. Принимая во внимание сделанный автором акцент на политическом измерении слухов, хочется тем не менее спросить, может ли сильная групповая идентичность, базирующаяся на неполитических основаниях, иметь такой же эффект для опровержений слухов.

Отдельно стоит отметить сложность, связанную с определением доверия как такового. В монографии неподтверждённая информация и слухи рассматриваются в отрыве от контекста, возникающего из содержания сообщения, его формы и источника получения, от автора, создающего контент и (или) транслирующего его, хотя все эти факторы в совокупности опосредуют то, что можно описывать как доверие к информации [Fisher 2016]. А. Берински не рассматривает, например, одинакова ли значимость партийной идентичности в отношении конкретной формулировки утверждений, идеологической окрашенности медиаисточника или политической ориентации человека, делающего заявление, затрагивающие политическую проблематику. В последней главе рассматриваются риторика политических элит, объём исправлений и их тональность в нарративах представителей разных партий. Несмотря на предположение о том, что однозначность заявления о ложности информации повышает влияние разоблачения слуха, связь тональности высказываний с отвержением слухов оказывается незначимой. Спорной является и оценка объёма транслируемой политическими элитами мисинформации: гипотезы о количестве распространяемых слухов тестируются через подсчёт публикуемых в Twitter⁶ членами Конгресса ссылок на контент, исходящий из конкретных источников, маркируемых в качестве ненадёжных⁷. Делается допущение о том, что любой контент, почерпнутый из таких ресурсов, будет мисинформацией, что приводит к смешиванию уровней восприятия доверия получаемой информации.

Открытым также остаётся вопрос о том, какие инструменты могут оказаться эффективными при рассмотрении долгосрочной перспективы, если опровержения даже в наиболее сильной своей форме не способствуют глубинному отвержению политических слухов, а лишь временно изменяют отношение части людей к ним. Опровержения из неожиданных источников (*unlikely sources*) встречаются достаточно редко, поэтому более продуктивным с точки зрения создания стратегий работы с недостоверной информацией было бы рассмотрение типичных случаев, поскольку любые решения в итоге встраиваются в существующую информационную среду, что не предполагает возможности её радикального изменения.

⁶ Заблокирован в РФ по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. на основании Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-ФЗ).

⁷ Отнесение ресурса к этой категории производилось автоматически в случае, когда распространяемая им информация определялась как фейковая новость сервисом NewsGuard, который производит оценку надёжности источников

Заключение

Можно ли эффективно бороться с распространением недостоверной информации? Кажется, что читателю не дают однозначного ответа на этот вопрос, а предлагают продолжить поиск и развить найденные результаты. Тем не менее серия исследовательских проектов в основе монографии позволяет сделать ряд важных выводов; в частности, выделяется комплекс связанных с восприятием мисинформации факторов. Применяя психологическую, политологическую и социологическую оптику, автор демонстрирует, как устойчивость слухов усиливается их повторяемостью и социальным распространением, как та партия, с которой ассоциирован источник информации и аффилирован сам потребитель, воздействует на принятие или отвержение конкретных политических слухов.

Конечно, выявленные закономерности не универсальны; напротив, они прочно вписаны как в страновой контекст, так и в экспериментальные условия, которые значительно упрощают сам процесс трансляции информации, оставляя за рамками, например, роль случайного столкновения с ней, благодаря которому в реальности к людям попадёт значительный объём политических сообщений [Bode 2016]. Опровержение слухов источником, отражающим взгляды, не разделяемые индивидом, действительно может быть продуктивным средством, однако ограниченным: как и при других формах корректировки недостоверной информации, эффект такого способа оказывается краткосрочным, а его сила зависит от наличия целого перечня условий.

В заключительной главе книги А. Берински очерчивает возможные рамки развития темы, встраивая сделанные выводы в реальность и соотнося с другими возможными решениями. Действительно, волшебная таблетка, позволяющая искоренить недостоверную информацию, пока не найдена, и вряд ли это произойдёт, поскольку сама проблема является многомерной, а также приобретает всё новые формы. Книга позволяет чуть глубже взглянуть на политическое поведение, однако не предоставляет готового инструмента компенсации негативных последствий слухов для политической системы. Работа с вопросом мисинформации, по мнению автора, требует комплексного подхода, затрагивающего, с одной стороны, производителей контента и слухов, а с другой — их потребителей, причём как тех, кто склонен к вере в недостоверную информацию, так и тех, кто её отвергает или остаётся в категории неуверенных.

Стратегии борьбы с недостоверной информацией и её эффектами также могут варьироваться и по затрагиваемым этапам её распространения. Так, например, можно пытаться контролировать подобный контент до его попадания к аудитории, сокращая объём ложной информации, транслируемой элитами и политическими лидерами (что, впрочем, видится достаточно утопичным предложением). В качестве альтернативы выделяется алгоритмический контроль, снижающий вероятность случайного столкновения со слухами в медиатизированной среде и уменьшающий их видимость и заметность в информационном пространстве. Ещё один вариант — работа с последствиями мисинформации, то есть корректировка утверждений уже после первичного столкновения с недостоверными заявлениями и данными. Однако здесь возникает описываемая в монографии ловушка: попытки опровержения и повторение слухов в качестве составляющей их разоблачения зачастую только усиливают веру в недостоверную информацию. Соответственно, поиск дальнейших решений находится в области комбинации внешних способов работы с мисинформацией (с целью сокращения негативных последствий веры в неё и ограничения объёма подобного контента) с индивидуальными усилиями аудитории (выражающимися, в частности, в умеренном скептицизме по отношению к любой информации, в повышении собственной медиаграмотности и способности выделять маркеры недостоверных утверждений).

Литература

- Allport G. W., Postman L. 1947. *The Psychology of Rumor*. New York: Henry Holt.
- Berinsky A. J. 2023. *Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*. Princeton, NJ: Princeton University Press. URL: <https://doi.org/10.2307/jj.196962>
- Bode L. 2016. Political News in the News Feed: Learning Politics from Social Media. *Mass Communication and Society*. 19 (1): 24–48. URL: <https://doi.org/10.1080/15205436.2015.1045149>
- Broda E., Strömbäck J. 2024. Misinformation, Disinformation, and Fake News: Lessons from an Interdisciplinary, Systematic Literature Review. *Annals of the International Communication Association*. 48 (2): 139–166. URL: <https://doi.org/10.1080/23808985.2024.2323736>
- Egelhofer J. L., Lecheler S. 2019. Fake News as a Two-Dimensional Phenomenon: A Framework and Research Agenda. *Annals of the International Communication Association*. 43 (2): 97–116. URL: <https://doi.org/10.1080/23808985.2019.1602782>
- Fisher C. 2016. The Trouble with ‘Trust’ in News Media. *Communication Research and Practice*. 2 (4): 451–465. URL: <https://doi.org/10.1080/22041451.2016.1261251>
- Greenhill K. M., Oppenheim B. 2017. Rumor Has It: The Adoption of Unverified Information in Conflict Zones. *International Studies Quarterly*. 61 (3): 660–676. URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqx015>
- Hilgartner S., Bosk C. L. 1988. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*. 94 (1): 53–78. URL: <https://doi.org/10.1086/228951>
- Humprecht E., Esser F., Aelst P. van. 2020. Resilience to Online Disinformation: A Framework for Cross-National Comparative Research. *International Journal of Press/Politics*. 25 (3): 493–516. URL: <https://doi.org/10.1177/1940161219900126>
- Jowett G. S., O’Donnell V. 2012. *Propaganda & Persuasion*. 5th edn. London: SAGE.
- McClosky H., Chong D. 1985. Similarities and Differences between Left-Wing and Right-Wing Radicals. *British Journal of Political Science*. 15 (3): 329–63.
- Jerit J., Zhao Y. 2020. Political Misinformation. *Annual Review of Political Science*. 23 (1): 77–94. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050718-032814>
- Rosenblum N. L., Muirhead R. 2019. *A Lot of People Are Saying: The New Conspiracism and the Assault on Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University.
- Strömbäck J. et al. 2022. *Knowledge Resistance in High-Choice Information Environments*. 1st edn. London: Routledge. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003111474>
- Swami V. et al. 2011. Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-World and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*. 102 (3): 443–463. URL: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2010.02004.x>

- Tandoc E. C., Jr., Lim Z. W., Ling R. 2018. Defining “Fake News”: A Typology of Scholarly Definitions. *Digital Journalism*. 6 (2): 137–153. URL: <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>
- Thorson E. 2016. Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation. *Political Communication*. 33 (3): 460–480. URL: <https://doi.org/10.1080/10584609.2015.1102187>
- Uscinski J. E. (ed.). 2018. *Conspiracy Theories and the People Who Believe Them*. 1st edn. New York: Oxford University Press. URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190844073.001.0001>
- Uscinski J. E., Parent J. M. 2014. *American Conspiracy Theories*. New York: Oxford University Press.
- Vosoughi S., Roy D., Aral S. 2018. The Spread of True and False News Online. *Science*. 359 (6380): 1146–1151. URL: <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
- Wood T. J., Porter E. 2019. The Elusive Backfire Effect: Mass Attitudes’ Steadfast Factual Adherence. *Political Behavior*. 41 (1): 135–163. URL: <https://doi.org/10.1007/s11109-018-9443-y>

NEW BOOKS

Daria Petrova

On Rumors and Their Debunking: How to Deal with Misinformation?

Book Review: Berinsky A. J. (2023) *Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*, Princeton, NJ: Princeton University Press. 240 p.

PETROVA, Daria —
Research Assistant,
Laboratory for Studies
in Economic Sociology,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str.,
Moscow, 101000, Russian
Federation.

Email: d.petrova@hse.ru

Abstract

“Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It” is the result of Adam Berinsky's long-term research, which analyses different aspects of rumors as a form of inaccurate information. It examines how rumors spread and persist in media space due to their virality, repetition and social transmission. Factors related to the belief in misinformation are highlighted, among them the tendency to conspiracy thinking and dogmatism, as well as political non-involvement. Combining psychological and political science approaches, the author focuses on the peculiarities of perception of rumors and their refutations. Although the effect is short-term, a productive strategy is to correct rumors that resonate with an individual's political orientation. Through a series of experiments, the book proves the propensity of people to confirm their beliefs, whereby sources whose party identity matches the person's perceptions have greater credibility. In contrast, in the case of refutations, information broadcast by sources that benefit from the rumor, respectively, come into opposition with one's political attitudes and partisanship. The book offers a new way of considering the possibilities of unmasking rumors by employing psychological and heuristic mechanisms of information perception and shifting attention from neutral sources of debunking to those with distinct political biases.

Keywords: political rumors; misinformation; conspiracy thinking; political polarization; selective exposure; rumor debunking.

Acknowledgements

The results of the project “Russians’ Daily Social Practices under Exogenous Shocks”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024, are presented in this work.

References

Allport G. W., Postman L. (1947) *The Psychology of Rumor*, New York: Henry Holt.

Berinsky A. J. (2023) *Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*, Princeton, NJ: Princeton University Press. Available at: <https://doi.org/10.2307/jj.196962> (accessed 18 May 2024).

Bode L. (2016) Political News in the News Feed: Learning Politics from Social Media. *Mass Communication and Society*, vol. 19, no 1, pp. 24–48. Available at: <https://doi.org/10.1080/15205436.2015.1045149> (accessed 18 May 2024).

- Broda E., Strömbäck J. (2024) Misinformation, disinformation, and fake news: lessons from an interdisciplinary, systematic literature review. *Annals of the International Communication Association*, vol. 48, no 2, pp. 139–166. Available at: <https://doi.org/10.1080/23808985.2024.2323736> (accessed 18 May 2024).
- Egelhofer J. L., Lecheler S. (2019) Fake News as a Two-Dimensional Phenomenon: A Framework and Research Agenda. *Annals of the International Communication Association*, vol. 43, no 2, pp. 97–116. Available at: <https://doi.org/10.1080/23808985.2019.1602782> (accessed 18 May 2024).
- Fisher C. (2016) The Trouble with ‘Trust’ in News Media. *Communication Research and Practice*, vol. 2, no 4, pp. 451–465. Available at: <https://doi.org/10.1080/22041451.2016.1261251> (accessed 18 May 2024).
- Greenhill K. M., Oppenheim B. (2017) Rumor Has It: The Adoption of Unverified Information in Conflict Zones. *International Studies Quarterly*, vol. 61, no 3, pp. 660–676. Available at: <https://doi.org/10.1093/isq/sqx015> (accessed 18 May 2024).
- Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*, vol. 94, no 1, pp. 53–78. Available at: <https://doi.org/10.1086/228951> (accessed 18 May 2024).
- Humprecht E., Esser F., Aelst P. van (2020) Resilience to Online Disinformation: A Framework for Cross-National Comparative Research. *International Journal of Press/Politics*, vol. 25, no 3, pp. 493–516. Available at: <https://doi.org/10.1177/1940161219900126> (accessed 18 May 2024).
- Jowett G. S., O’Donnell V. (2012) *Propaganda & Persuasion*, 5th edn., London: SAGE.
- McClosky H., Chong D. (1985) Similarities and Differences between Left-Wing and Right-Wing Radicals. *British Journal of Political Science*, vol. 15, no 3, pp. 329–63.
- Jerit J., Zhao Y. (2020) Political Misinformation. *Annual Review of Political Science*, vol. 23, no 1, pp. 77–94. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050718-032814> (accessed 18 May 2024).
- Rosenblum N. L., Muirhead R. (2019) *A Lot of People Are Saying: The New Conspiracism and the Assault on Democracy*, Princeton, NJ: Princeton University.
- Strömbäck J., Wikforss Å., Glüer K., Lindholm T., Oscarsson H. (2022) *Knowledge Resistance in High-Choice Information Environments*, 1st edn., London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003111474> (accessed 18 May 2024).
- Swami V., Coles R., Stieger S., Pietschnig J., Furnham A., Rehim S., Voracek M. (2011) Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-World and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*, vol. 102, no 3, pp. 443–463. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2010.02004.x> (accessed 18 May 2024).
- Tandoc E. C., Jr., Lim Z. W., Ling R. (2018) Defining «Fake News»: A Typology of Scholarly Definitions. *Digital Journalism*, vol. 6, no 2, pp. 137–153. Available at: <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143> (accessed 18 May 2024).

Thorson E. (2016) Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation. *Political Communication*, vol. 33, no 3, pp. 460–480. Available at: <https://doi.org/10.1080/10584609.2015.1102187> (accessed 18 May 2024).

Uscinski J. E. (ed.). (2018) *Conspiracy Theories and the People Who Believe Them*, 1st edn., New York: Oxford University Press. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190844073.001.0001> (accessed 18 May 2024).

Uscinski J. E., Parent J. M. (2014) *American Conspiracy Theories*, New York: Oxford University Press.

Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The Spread of True and False News Online. *Science*, vol. 359, no 6380, pp. 1146–1151. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.aap9559> (accessed 18 May 2024).

Wood T. J., Porter E. (2019) The Elusive Backfire Effect: Mass Attitudes' Steadfast Factual Adherence. *Political Behavior*, vol. 41, no 1, pp. 135–163. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11109-018-9443-y> (accessed 18 May 2024).

Received: May 10, 2024

Citation: Petrova D. (2024) O slukhakh i ikh razoblacheniyakh: kak borot'sya s nedostovernoy inphormatsiey? [On Rumors and Their Debunking: How to Deal with Misinformation? Book Review: Berinsky A. J. (2023) *Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*, Princeton, NJ: Princeton University Press. 240 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 3, pp. 213–228. doi: 10.17323/1726-3247-2024-3-213-228 (in Russian).